

ШАПИНСКАЯ Екатерина Николаевна / Ekaterina SHAPINSKAYA

| Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма |

ШАПИНСКАЯ Екатерина Николаевна / Ekaterina SHAPINSKAYA

Россия, Москва.

Российский институт культурологии.

Главный научный сотрудник. Доктор философских наук, профессор.

Russia, Moscow.

Russian Institute for Cultural Research.

Chief researcher. PhD in Philosophy, professor.

reenash@mail.ru

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК КАК БЕГСТВО ОТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ФЕНОМЕН ТУРИСТИЧЕСКОГО ЭСКАПИЗМА

Путешествие рассматривается в статье как один из способов бегства от повседневности, которая занимает все большее пространство в жизни человека. Динамика повседневности приводит к поиску новых путей эскапизма, среди которых путешествие занимает важное место. В статье рассматривается место путешествия в культуре в различные исторические эпохи, анализируются изменения в семантике путешествия, которое все более принимает характер рекреации, туризма, легитимного временного выхода из повседневных рутин. Такого рода путешествие направлено не на получение реальных знаний о различных народах и культурах, а на подтверждение сложившихся в популярной культуре стереотипов, во многом сформированных культурной индустрией с целью получения коммерческой выгоды. Одним из наиболее востребованных направлений туристического путешествия является «Восток», представляющий собой конструкт, основанный на мифических, зачастую фантастических представлениях, не связанных с реалиями стран, входящих в это понятие. В статье ставится ряд вопросов, связанных с изменениями в культурной ситуации XXI века, отражающимися на феномене путешествия: десакрализация культуры и изменение смысла паломничества, децентрация и деконструкция традиционных бинарных оппозиций, в частности «Запад/Восток», и их влияние на направление туристических потоков, возрастание роли виртуальных путешествий в культуре информационного общества, наполненного медиаобразами.

Ключевые слова: эскапизм, повседневность, рутина, путешествие, туризм, ориентализм, романтизм, культурная индустрия, миф, демифологизация, децентрация

The Oriental Journey as an Escape from Everyday Life: the Phenomenon of Tourist Escapism

In the article, travel is regarded as one of the ways to escape from everyday life, and which plays an ever-growing role in human existence. The dynamics of daily life leads to the quest for new forms of escapism, in which travel has an important function. The article analyzes the role of travel in different historical eras and the changes in the semantics of travel, which is becoming more and more of an integral part of recreation and leisure time: tourism is now a legitimate means by which to escape from everyday routine. The objective of this type of travel is often focuses not attaining knowledge of different cultures and peoples, but rather on the confirmation of stereotypes formed in popular culture, mostly under the influence of cultural industry, with the purpose of achieving financial profit. One of the most popular directions of today's tourist is the "Orient" or the "Far East", a construction based on mythical, often fantastic ideas, often unrelated to the true realities of the countries included in this region / concept. The article poses a number of questions connected with the changing cultural situation of the 21st century, clearly reflected in the phenomenon of travel. To be more specific, the desacralization of culture and the change in the meaning of pilgrimage, decenteration and deconstruction of basic binary oppositions, "East/West" in particular, and their influence on the direction of tourist flows, the increasing role of virtual travel within an information society culture, which has been saturated with media images.

Key words: escapism, everyday life, routine, travel, tourism, orientalism, romanticism, culture industry, myth, demythologization, decenteration

Путешествие — это обман,
к которому все мы приножились в наибольшей степени.

Ж. Бодрийяр

Путешествие — одно из самых увлекательных и опасных занятий человечества. На протяжении истории цели и смыс-

лы путешествия менялись, средства передвижения совершенствовались, расстояния казались все ближе. Но в любое время путешествия было и остается выходом из обычной рутины, своего рода вызовом повседневности, которая в любую эпоху предъявляет человеку права на устройство его миропорядка. Этот структурированный жизненный мир имеет свою альтер-

натуру, которая может представлять в различных формах, как внешних, так и внутренних. На наш взгляд, существует три основных пути эскапизма, выхода из повседневности. Первый путь — внешний, предполагающий физическое перемещение из привычного пространства в отдаленное, незнакомое и зачастую опасное. Второй путь — «остранение», представление обычных вещей в необычном свете. И, наконец, третий путь эскапизма — внутренний. Он не предполагает далеких путешествий, но изменяет внутреннее состояние человека, открывая путь в трансцендентное. Наиболее ярко проявляется этот вид эскапизма в таких сферах человеческой жизни как религия, любовь и искусство, но, как мы покажем далее, может касаться и путешествий.

Говоря о путешествиях, вначале мы остановимся на первом пути эскапизма. Сразу оговоримся, что в данной статье мы рассматриваем путешествия лишь с точки зрения западного человека, так как нас интересует «эскапистское» туристическое путешествие, а туризм — изобретение западного человека. Поэтому путешествия, которые мы попытаемся проанализировать, это путешествия на Восток, реальный или мифический, давно ушедший или настоящий. Путешествия, которые совершались внутри этого Востока, имели торговые, религиозные или военные цели, то есть были вполне прагматическими, нацеленными на поддержание устойчивых жизненных структур, а не бегство от них. Последнее характерно именно для путешествия с «Запада» на «Восток», которые сами по себе являются понятиями весьма условными, но в нашем случае определяют стремление человека западной цивилизации к иному миру.

Конечно, далеко не всякое путешествие имеет целью вырваться из привычной рутины. В древности, да и в наши дни, большинство путешествий совершаются с прагматической целью. Но современность с ее высокой технологичностью и громадными возможностями быстрого и легкого перемещения из одного уголка земли в другой многократно увеличила число путешествий, совершаемых с целью развлечения, планируемого отдыха, легитимного временного выхода из упорядоченной повседневности. Современное путешествие, предпринимаемое как туристическое, является формой рекреации, необходимой для успешного продолжения повседневных рутин. «Отдых можно интерпретировать как современный секулярный эквивалент ежегодных празднеств и паломничеств, характерных для традиционных и религиозных сообществ», — утверждает американский исследователь Н. Граберн¹.

Рассматривая современное туристическое путешествие, мы видим, с одной стороны, его отличие от путешествий прошлого, которое бросается в глаза по причине его структурированности и предсказуемости — путешественники прошлого никогда не имели «обратного билета», их возвращение было сопряжено с риском и могло затянуться на неопределенный период времени. С другой стороны, нынешних путешественников объединяет с их предшественниками стремление увидеть новые земли и города, проплыть по безбрежному морю, узнать, как живут люди в других культурах. Конечно, сегодня это знакомство осуществляется, как правило, в комфортных усло-

виях, в то время как путешественнику прошлого приходилось преодолевать как опасности пути, так и бытовые трудности. Несмотря на это, даже в такую не отличающуюся комфортом эпоху как Средневековье, отмечается, по словам Ж. Ле Гоффа, «чрезвычайная мобильность средневековых людей»². Конечно, цели, с которыми предпринимались путешествия в Средневековье, значительно отличались от целей сегодняшнего путешественника-туриста. В частности, одной из важных причин, побуждающих средневекового странника пуститься в дорогу, было паломничество, посещение святых мест, что было частью жизни правоверного христианина. «...самый дух христианской религии выталкивает на дороги, — пишет Ле Гофф. — Человек лишь вечный странник на сей земле изгнания — таково учение церкви, которая вряд ли нуждалась в том, чтобы повторять слова Христа: «Оставьте все и следуйте за мной». Сколь многочисленны были те, кто не имел ничего или мало и с легкостью уходил!»³ Ле Гофф называет паломничество «средневековой формой туризма», отмечая что на паломников часто смотрели как на простых бродяг, и даже деятели церкви часто не одобряли этих путешествий, говоря о том, что лучше истратить деньги на помощь бедным, чем на скитания по опасным дорогам. «Странники были несчастными людьми, а туризм суетностью», — подытоживает свой анализ средневекового странничества французский историк⁴.

Но паломничество было не единственным видом путешествия, хотя только его Ле Гофф приравнивает к туризму, то есть к путешествию с не-коммерческой, не-прагматической целью. Наиболее долгим, опасным, но, в то же время, захватывающим и привлекательным с разных точек зрения, было путешествие морское. Хотя мореплавателями с древнейших времен были купцы и воины, результаты этих плаваний выражались не только в прибыти в торговле или в военных победах, но и в знакомстве с далекими странами, людьми и их обычаями. При дальнейшем описании этих далеких земель они приобретали фантастическую окраску, становясь основой рассказов о сказочных путешествиях и чудесных приключениях. Местом, которое с незапамятных времен манило путешественника и манит по сей день, был Восток, весьма расплывчатое понятие, в которое входили самые разные страны и культуры. Со времен античности путешественники описывали чудеса Индии, сами признавая значительную долю воображения, привнесенную в эти описания. Флавий Ариан, историк, описывавший походы Александра Великого, называет такие рассказы небылицами. «Не пишу ни о муравьях, добывающих золото для индов, ни о грифах, которые его стерегут. Все это рассказы, созданные скорее для развлечения, чем с целью правдивого описания действительности, так же, как и прочие нелепые басни об индах, которые никто не станет ни исследовать, ни опровергать»⁵. В эпоху Средневековья такие небылицы процветают, создавая своеобразное воображаемое пространство, где удовлетворялась тяга человека к чудесному и необычному. Восток становился воображаемым царством самых невероятных чудес, где

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 126.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Цит. по: Волшебные страны, иные миры и их обитатели. Энциклопедия. СПб., 2009. С. 399.

сосуществовали фантастические чудовища и странные люди. Широко известный начиная с XII века текст «Послание пресвитера Иоанна» рассказывало о чудесах индийского царства. «Удивляться можно было многому: и фантастическим зверям, и грандиозной трапезе пресвитера Иоанна, и чистоте нравов обитателей его царства»⁶. С тех пор Индия прочно заняла место «страны чудес» в популярном сознании европейца, что было отражено в многочисленных литературных текстах, а затем и в других формах репрезентации вплоть до кинематографических образов Индии. Сказочные образы Индии уходят корнями в средневековую фантазию, которая творится путешественниками, в этой очень далекой стране побывавшими. Приводим рассказ монаха-доминиканца, посетившего Индию в XIV веке. Он сразу заявляет, что выступает не в качестве очевидца, а лишь передавая слухи о тех местах, в которые он не добрался и, соответственно, за достоверность своих рассказов не отвечает. «... Поистине там множество чудес, как узнал я от людей, достойных доверия. Так, там обитает множество драконов, которые нбоят на головах светящиеся камни, называемые карбункулами. Эти животные лежат на золотом песке и без меры тучнеют, а из пасти у них исходит дыхание зловонное и вредоносное, наподобие непроглядного дыма, что поднимается от огня.... В этой самой Третьей Индии обитают птицы, под названием Рух, они такие большие, что могут с легкостью поднять в воздух слона»⁷. Можно привести массу источников с описаниями такого рода, распространяющимися, несомненно, не только на Индию, но на все страны Востока, находящиеся за пределами известного обычного европейцу мира.

Конечно, не все рассказы путешественников в страны Востока носят откровенно фантазийный характер. В качестве примера другого рода можно привести знаменитое «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Русский купец был изумлен несхожестью открывшегося перед ним мира далекой страны со всем, к чему он привык, но он не строит на этой несхожести дальнейших фантазий, а пытается как можно точнее описать увиденное. Но даже несмотря на это, в его «Хождение за три моря» проникают сказочные элементы, связанные, видимо, с теми мифологическими представлениями, которые бытовали и в самой Индии. Так, рассказ об обезьянах по всей вероятности был написан под влиянием услышанных фрагментов эпоса «Рамаэяна», где обезьяны фигурируют в качестве важных героев. «А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать, и они, к городу прийдя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой»⁸.

На наш взгляд, уже в это время формируются основные подходы к путешествию, которые живут и по сей день. В описаниях первого типа мы видим стремление привлечь читателя, пробудить его любопытство, дать ему возможность отрешиться от повседневной рутины в волшебном мире далеких стран, что впоследствии становится основой туризма, с той разницей, что эти волшебные земли уже не являются недоступными. Напротив, вся туристическая индустрия призывает человека совер-

шить реальное путешествие, обещая ему всевозможные чудеса, которые этой же индустрией и создаются в форме различных «райских уголков планеты». Что касается рассказа Афанасия Никитина, он скорее предваряет путешествия антропологов, которые много веков спустя начали проникать в самые труднодоступные места с целью изучения, описания и осмысления культурных практик еще сохранившихся традиционных обществ. В «Хождении за три моря», пусть в неотрефлексированной форме, присутствует описание как людей и обычаев, так и их верований и мифов (в форме рассказа о вожде обезьян Ханумане).

Несмотря на важность такого рода путешествий и текстов, на них основанных, их нельзя причислить к эскапистским, скорее они представляют собой богатый этнографический и религиозно-ведческий материал. Нас же в данном случае интересует путь туриста, поскольку именно к нему прибегает человек, стремящийся к выходу из повседневной рутины, и туризм предоставляет ему богатые возможности «легитимного» эскапизма. Путешественник-турист вовсе не стремится к расширению знаний о других странах и народах, к пониманию других культур. Его задача — погрузиться на время в мир, свободный от оков повседневности. Решение этой задачи никоим образом не связано со знанием, которое, по мере становления европейской цивилизации, становилось все более полным и достоверным.

Если путешествие носит эскапистский характер, оно вовсе не преследует познавательной цели. Более того, оно может идти вразрез с теми знаниями, которые уже существуют относительно той или иной страны, местности или народа. Как мы показали, в эпоху Средневековья эти знания носили весьма отрывочный и фантастический характер. Но с ходом истории, с нарастанием процессов секуляризации и демифологизации в культуре увеличивалось и стремление к достоверности знаний о Другом, о различных жизненных мирах. Этот процесс достигает своей кульминации в эпоху Просвещения с ее стремлением рационально упорядочить все сведения об окружающем мире. Если мы вернемся к выбранному нами примеру путешествий в Индию, то увидим, что сведения о ней в эту эпоху совершенно лишены флера фантазийности, присущему многочисленным рассказам путешественников прошлых эпох. Эти сведения не носят характера отрывочных наблюдений, а вписаны в общую историю, что можно отчетливо видеть в фундаментальном труде И. Г. Гердера, имеющем целью создать культурную историю человечества⁹. Сведения об Индии основаны на отчетах христианских миссий, что объясняет акцент на религиозной составляющей индийской культуры, которая сама по себе определяет практически весь образ жизни как индуистов, так и мусульман до сегодняшнего дня. Но Гердер дает рациональное объяснение явлениям, которые в самой Индии рассматриваются как установленные раз и навсегда божественной силой. Так, объясняется существование кастовой системы, наиболее отличительной особенностью социального устройства Индии, которые Гердер сравнивает с подобными структурами в других культурах. «Подобные разделения на касты, или колена, и в других странах служили простейшим средством упорядочить человеческое общество; общество следовало при этом самой

⁶ Там же. С. 210.

⁷ Там же. С. 212.

⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 47.

⁹ См. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

природе, которое разделяет дерево на ветви, а народ на колена и семьи»¹⁰. С такой рационалистической позиции Гердер объясняет как господство касты брахманов на протяжении столетий, так и неизбежность европейского завоевания. «Жестокая поступь судьбы народов! И тем не менее — не что иное, но порядок, установленный природой. В самой прекрасной, самой плодородной части земли человек рано приобрел утонченные понятия, широкие, фантастические представления о природе, усвоил кроткий нрав и установил правильный порядок, но в той же самой части света он должен был отказаться от любой трудоемкой, тяжелой деятельности, а потому должен был сделаться добычей разбойника, уязвившего и эту прекрасную землю»¹¹. «Расколдованность» Востока, в частности Индии, в Новое время отмечает и Гете в «Западно-Восточном диване»: «Земли по обе стороны Инда, начиная с Гималаев, — до недавней поры оставались они странами сказочными, — прояснились для нас, явились во взаимосвязи с остальным миром. Стоит только захотеть, и мы можем — насколько позволяют силы и обстоятельства — распространить наш обзор на самый Полуостров, на юг вплоть до Явы, разузнавая при том наидетальнейшие сведения»¹². Казалось бы, все объяснено, и ореол загадочности, которым была окружена Индия много столетий, должен исчезнуть. Но ничего подобного не происходит, напротив, вокруг Индии (как и других стран Востока) возникают все новые мифы и фантастические образы, которые ничего не имеют общего с растущим объемом знаний о различных сторонах жизни восточных стран. Это вполне объяснимо, если принять ту позицию, на которой мы стоим при исследовании феномена современного туристического путешествия, а именно его эскапистский характер. Если человек предпринимает путешествие реальное или виртуальное с целью избежать гнета повседневных рутин, его меньше всего интересует повседневность Другого, напротив, он хочет создать пространство, противоположное этим рутинам, фантазийное, праздничное. Из этого желания и возникает образ Востока, впервые детально разработанный романтиками. Не удивительно, что взлет эскапизма приходится на те периоды, когда наиболее сильно чувствуется разочарование в собственной культуре, усталость от цивилизации. Романтизм стал тем течением, в котором получили новое звучание забытые мифы и возникли представления о Востоке, ставшие предшественниками современного туризма. «У романтиков впервые прозвучал призыв открыть и понять мифы других народов. Так, Гердер и Новалис проявили интерес к Востоку... Для европейцев все эти культуры еще не были открыты. У Ф Шлегеля слово «Восток» употреблялось как магическое слово, обозначающее самые возвышенные смыслы человеческого разума»¹³. С эпохи романтизма начинается экзотизация образа Востока в искусстве, выразившаяся в замечательных произведениях поэзии, живописи, оперного искусства, а позже кинематографа. На смену рассказам о реальных путешествиях приходит вымысел художника, который стремится к «иномирию» в по-

пытке вырваться из пут рационалистического мироощущения, завоевывавшего все более прочные позиции. Эти настроения очень хорошо описал М. Волошин в своей работе о П. Клоделе, французском писателе, проведшем большую часть жизни в Китае. «Экзотизм в романтическом искусстве был голодом по приностям. Художник, пресыщенный отслоениями красоты в музеях и бытом отстоявшейся культуры, искал новых вкусовых ощущений — более терпких, более острых... экзотика девятнадцатого века явилась перенесением в область мечты и слова той страсти к географическим приключениям, которыми ознаменованы первые века новой истории. Когда иссякли века путешествий и открытий, тогда все, что было деянием, стало только мечтой, претворилось в литературу»¹⁴.

Воображаемое путешествие всегда было формой эскапизма, мы можем представить себе зачарованность человека Средневековья фантастическими рассказами о дальних странах, о которых мы говорили выше. Но в то время они воспринимались как свидетельство того, что существуют такие земли, где водятся диковинные существа и природа полна самых диковинных созданий. В эпоху романтизма подобные рассказы носят чисто фикциональный характер, идя вразрез с накопленными знаниями в самых разных областях науки. Произведения искусства, в основе которых лежит образ Востока, не претендуют ни на какую достоверность, представляя собой пространство чистого эскапизма. «Романтизм создал лжевосточный стиль — «ориентализм».... Экзотизм романтиков, который заполнил собою все девятнадцатое столетие от одного края до другого, был основан почти целиком на чувстве зрения. Для романтиков видимый мир со всеми своими оттенками и переливами начал существовать как бы впервые, и расцвет географического экзотизма был следствием этого открытия»¹⁵. Визуальные образы Востока соседствуют с поэтическими, путешествие на Восток становится частью жизненного пути романтика. Образы, которые создаются в результате такого путешествия, навеяны формами и цветами необычной природы. Часто Восток предстает перед художником как воплощение земного Рая, причем при близком столкновении с этими будоражащими воображение местами неизбежно разочарование, поэтому романтик ограничивается поверхностным восприятием Востока и всего с ним связанного, а его путешествие — это путешествие туриста, не имеющее никакой прагматической цели. Сюжеты, связанные с Востоком, приобретают в сценических искусствах XIX века, совершенно фантастический характер (если говорить об Индии, достаточно вспомнить оперу Л. Делиба «Лакме» и балет Л. Минкуса «Баядерка»).

В связи с распространением сюжетов о Востоке в литературе и изобразительных искусствах, в сознании западного человека все более прочно формируется образ Востока, основанный на стереотипах, и этот образ настолько привлекателен, что возникает желание увидеть все эти чудеса собственными глазами. Таким образом, происходит возвращение к реальному путешествию, выразившееся вначале в биографиях отдельных эксцентрических личностей, а затем в массовом туризме. Одним из известнейших примеров «бегства на Восток» в поисках альтер-

¹⁰ Там же. С. 305.¹¹ Там же. С. 310.¹² И. В. Гете. Западно-Восточный диван. М., 1988. С. 311.¹³ Хренов Н. А. От эпохи бессознательного мифотворчества к эпохе рефлексии о мифе // Миф и художественное сознание XX века. М., 2011. С. 59.¹⁴ Волошин М. Лики творчества. М., 1988. С. 78.¹⁵ Там же. С. 79.

ШАПИНСКАЯ Екатерина Николаевна / Ekaterina SHAPINSKAYA

| Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма |

нативы западной цивилизации является биография П. Гогена. «Жгучая неудовлетворенность современной реальностью толкала художника к поиску какой-то действенной альтернативы, к поискам иного, некоего совершенного мира. Цивилизации как антиидеалу он должен был противопоставить свой идеал... Тоска художника по прекрасной стране, где возможно достойная человека благодатная жизнь, выливалась в конкретное действие, в поиски такой страны. Гоген был буквально одержим идеей реальности идеала и свято верил, что счастливый мир не только мифический Эдем, что где-то на краю света существует не тронутая временем земля обетованная, подлинный земной рай. Этот потерянный рай нужно только отыскать, как бы далеко он ни находился»¹⁶. Поиски такого земного рая приводят художника на Таити, где он и создал свои замечательные произведения, исполненные многоцветья тропической природы и образов людей, от этой природы еще не оторванных. Конечно, Гоген не был туристом, он глубоко проник в мир, столь не похожий на привычное повседневное существование европейца, и смог представить его в образах, которые являются, с одной стороны, экзотическими, непривычными, с другой — не заключают в себе никакого фантазирования, а лишь говорят, что есть и другой мир, прочно укорененный в самой земле, на которой он стоит. М. Волошин, сопоставляя Гогена с П. Клоделем, который искал первоосновы человеческого бытия в Китае, отделяет их увлечение Востоком от романтической зачарованности внешней экзотикой: «Гоген и Клодель привезли из своих странствий не пряности, а древние питательные соки земли, которые возбуждают и пьянят, укрепляют, как живая и древняя вода моря, а не отравляя, как гашиш»¹⁷.

Но эти примеры — отдельные случаи в области постижения Востока через путешествие, иногда длиною в жизнь, которое становится источником творчества. В основном, начиная с конца XIX века, распространяются именно туристические путешествия, в которых взгляд на уже не столь далекие и недоступные восточные земли обусловлен сложившимися в массовой культуре стереотипами. Массовый туризм, ставший неотъемлемой принадлежностью образа жизни «цивилизованных» стран, с самого начала формируется под влиянием механизмов культурной индустрии и является чисто коммерческим предприятием. Экзотический образ Востока необходим как для привлечения многочисленных туристов, так и для создания разнообразных текстов популярной культуры, похожих на туристический проспект. Р. Барт пишет в своих «Мифологиях» еще в 50-е гг. XX века, когда массовый туризм только начинал свой всемирный подъем, о том, как мало озабочены исследователи, образы которых созданы в кино, проблемами истории или социологии: «Проникновение на Восток для них не более чем небольшой круиз по лазурному морю и обязательно под ярким солнцем. И вот Восток, который как раз сегодня оказался центром всей мировой политики, предстает здесь плоским, приглаженным и искусственно раскрашенным, словно старомодная почтовая открытка»¹⁸. Такой образ вполне соответствует целям туристической индустрии — привлечь как можно больше «путешественников», которые ожидают от своей поездки не новых

знаний, а подтверждения тех впечатлений, которые уже заранее сформированы всеми средствами туристического бизнеса. Туристическая поездка — вид запланированного эскапизма, временный выход из рутины, предполагающий безопасное в нее возвращение и возобновление повседневной деятельности с новой энергией, обретенной под солнцем южных стран. Экзотика, которую воспевали романтики, становится необходимой частью путешествия туриста, развлекательного по своей природе. Р. Барт подчеркивает отсутствие какой-либо связи между этой туристической экзотикой и реальностью востребованных у туристов стран: «...в этом экзотизме хорошо проявляется его глубинное назначение — отрицание любой исторической конкретности. Снабдив реальность Востока кое-какими четкими знаками туземности, ей делают прививку против всякой содержательной ответственности»¹⁹.

Как и в весьма отдаленную эпоху Средневековья, в XIX–XX веках продолжается своеобразное раздвоение в феномене путешествия. С одной стороны, путешествия предпринимаются учеными, которые всесторонне исследуют самые разные стороны реальности «Востока», снабжая достоверными данными различные академические дисциплины. В результате «Восток» становится известным (во всяком случае, для определенного круга читателей) и, возможно, более понятным. С другой стороны, не менее интенсивно идет знакомство с «Востоком» загадочным и экзотическим. Такое знакомство — удел туристов, которые осваивают все новые и новые маршруты по различным странам, попадающим под общее наименование «Восток».

Если в прошлом путешествие предшествовало рассказу о нем, который, с большей или меньшей долей воображения, на этом путешествии основывался, то в эпоху массовой культуры и масс-медиа порядок изменился. Вначале человек знакомится с возможными путями своего туристического путешествия, получает визуальное представление о тех местах, где он хочет провести очередной отпуск, и только проведя сравнительный анализ привлекательности этих мест и стоимости поездки, отправляется за впечатлениями и удовольствиями, каждое из которых занесено в прейскурант услуг. Таким образом, туристическое путешествие становится не открытием новых мест, а подтверждением заранее запланированного удовольствия. И все же путешествие сохраняет прелесть «иномирия», дает почувствовать Другого и его образ жизни, что обусловлено самим перемещением в пространстве, создающем эффект отдаленности от привычного существования. Этот выход из привычного бытия, отсутствие в своем повседневном мире на время путешествия отмечает Ж. Бодрийяр: «Путешествуя, мы стремимся не к открытиям или обмену, а к постепенной экстерриториализации, к тому, чтобы возложить ответственность на само путешествие, т. е. на нечто отсутствующее. В металлических векторах, возвышающихся над меридианами, океанами и полюсами, отсутствие облекается плотью. На смену секретам частной жизни, которые стремятся сохранить. Приходит поглощение долготой и широтой. Но в конце концов, тело устает от неприкаянности, тогда как разум восторгается этим отсутствием, словно присущим ему свойством»²⁰. Бодрийяр подчеркива-

¹⁶ Кочик О. Я. Мир Гогена. М., 1991. С. 74.¹⁷ Волошин М. Лики творчества. М., 1988. С. 81.¹⁸ Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 205.¹⁹ Там же. С. 206.²⁰ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. 2009. С. 220.

ет эскапистский смысл современного путешествия, говоря об «избавлении» от всех привычных характеристик индивида на протяжении поездки, независимо от ее срока и удаленности. «Перемещение в пространстве — это избавление от вашего пола и от вашей культуры. Именно эта форма, форма изгнания и избавления одерживает сегодня верх над классическим путешествием, совершаемым в поисках открытий»²¹. Турист стремится на время почувствовать себя частью Другого, но не реального, а фантазийного, созданного воображением и этнокультурными стереотипами и подкрепленного глянец предложений туристической индустрии. «Восток» в этом контексте не сдает своих позиций и продолжает оставаться привлекательным и востребованным пространством, где проложены бесчисленные туристические тропы. Путешественнику предлагаются самые разные способы приобщения к «Востоку», от традиционных маршрутов по историческим памятникам до экстремального и экологического туризма, столь популярного в наши дни.

За годы быстрого развития туристической индустрии традиционный образ Востока как места, где по сей день оживают сказки и мифологические образы, стал настолько привычен и «обжит» туристом, что понадобилось изменить и дополнить его новыми, по выражению М. Волошина, «пряностями». Снова обратившись к Индии, мы видим интересный пример такого рода в изменении акцента по отношению к этой стране, который связан с успехом фильма «Миллионер из трущоб». Фильм представляет собой изображение обратной стороны туристической индийской экзотики, жизни трущоб индийского мегаполиса, на фоне которых разыгрывается мелодраматическая история героев. Некоторые сцены фильма прямо указывают на мифологичность символов Индии, в частности Таж Махала, на фоне которого персонажи занимаются воровством и вымогательством у туристов. Но картина индийской жизни, представленная в фильме, ничуть не менее мифологична, чем гляцевые картинки из туристических проспектов. Для пресыщенной традиционными образами-символами западной публики (именно ей и ограничивался успех фильма, не принятого и не понятого индийским зрителем) новые образы из жизни «низов» имели привлекательность «пряности» и вызвали любопытство, сопряженное с приятным ощущением некоторой опасности, сопряженной с экскурсией в такие явно криминогенные места. Интересно, что вслед за успехом «Миллионера из трущоб» в Мумбаи был разработан туристический маршрут, ведущий пресыщенных рекламой красотой путешественников по свалкам и трущобам, которые, несомненно, были приведены в соответствующий вид, чтобы не слишком сильно шокировать публику. Шок в данном случае также дозируется, он, с одной стороны, неотъемлемая принадлежность встречи с Другой культурой, с другой, своего рода терапия, он не должен слишком выводить путешественника из равновесия, принимая во внимание рекреационную цель его поездки. Такого рода маршрут подтверждает, что не все стало униформным в глобализованном мире, что существуют еще пространства, где различие культур преодолевает стандартный лоск «достопримечательностей». Ж. Бодрийяр пишет об этом новом этапе поисков различий, который стал реакцией на усталость от развлекатель-

но-познавательных туров, все более приобретающих характер повседневного опыта: «...тогда как прежде путешествие было в том, чтобы оправдать (с характерной для туристических иллюзий разновидностью мазохизма) нарастающее однообразие стран и культур, планетарную эрозию умственного развития, сегодня, напротив, путешествие является воплощением радикальной экзотики и несопоставимости всех культур»²².

Если путешествие, призванное удовлетворить любопытство, возбуждаемое всеми средствами туристической индустрии, стало обычным способом проведения досуга в странах, достигших высокого уровня жизни и доходов населения, то в связи с другими видами путешествий и путешественников возникают различные вопросы, некоторых из которых мы коснемся, хотя бы вкратце. Прежде всего, это вопрос о путешествиях, имеющих целью не удовольствие и рекреацию, а духовный поиск, приобщение к религиозным святыням. В этой области различаются религиозный туризм и паломничество, о котором мы упоминали как о самом распространенном виде путешествия в Средние века, причем, как мы упоминали, уже тогда паломничество вовсе не всегда одобрялось церковью. Единственный вид паломничества, который безусловно допускался — «ради покаяния»²³. В эпоху секуляризации культуры паломничество утратило свой масштаб, но продолжало существовать как вид религиозной деятельности, в частности, в православии. Русская православная церковь связывает паломничество с христианской традицией посещения святых мест, оставляя за скобками практики других религий, хотя и признавая их существование. Согласно определению Паломнического центра московского Патриархата, «в различных религиях существует явление, которое на русском языке обычно выражается понятием «паломничество». Несмотря на общность наименования, традиции паломничества, критерии его оценки в различных религиях существенно различаются. Поэтому слово «паломничество» в полном смысле правильно употреблять лишь по отношению к христианскому паломничеству. Понятие «паломник» происходит от слова «пальмовник», что является переводом соответствующего латинского слова. Им первоначально называли богомольцев — участников крестного хода в Святой Земле в праздник Входа Господня в Иерусалим (иначе этот праздник называется еще Неделя ваий, или, в русской православной традиции, Вербное воскресенье). Впоследствии паломниками стали называть богомольцев, путешествующих не только в Иерусалим, но и к другим христианским святыням»²⁴. Следуя древней традиции, РПЦ предостерегает верующих от смешения понятий «паломничество» и «туризм», о чем говорили еще средневековые богословы. Критическое отношение к религиозным путешествиям выражает и столь авторитетная фигура в области православного образа жизни как Феофан Затворник. Говоря о путешествиях русского человека на Афон, в Соловки, в Новый Иерусалим, святитель отмечает, что «когда дело это совершается в духе истинного христианского подвига, тот не заслуживает ничего, кроме похвалы и поощрения. Но, к сожалению, не всегда бывает так. Нередко любители до таких странствий скрывают лишь под этим мнимым подвигом свою

²² Там же. С. 222.

²³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 128.

²⁴ См.: <http://www.poklonnik.ru/site.xp/050050056124.html>

²¹ Там же. С. 221.

леность к обычным житейским занятиям... Иные же совершают эти путешествия просто ради любопытства, желая посмотреть на незнакомые места, о которых так много рассказывают интересного»²⁵. Отсюда совет святителя посещать не отдаленные места, а гораздо более доступные Саров и Дивеев, причем пешком, хотя в целом «святые места и святые мощи чувствуются внутренне лучше, чем внешне»²⁶.

В наше время паломничество является одной из разновидностей путешествий, причем зачастую религиозные цели смешиваются с «удовлетворением любопытства», от которого предостерегают деятели церкви. Но на практике эти цели часто оказываются трудно различимы, так как традиционные места паломничества во многом десакрализованы благодаря все той же туристической индустрии, для которых они представляют объекты деятельности, должны приносить прибыль. Другой причиной смещения пространств туризма и паломничества является статус религии в современном мире, предоставляющем человеку свободно выбирать свою конфессиональную принадлежность. С середины XX века в западном мире начинается увлечение восточными религиями и, соответственно, путешествия в те места, где эти религии представлены наибольшим числом памятников. Можно ли называть паломничеством такие путешествия? Согласно определению русской православной церкви, нельзя, но для увлеченных духовным поиском людей, они, несомненно, имеют сакральный смысл, даже если эти люди не исповедуют ту или иную религию формально. В таких путешествиях неизбежен элемент туризма, поскольку в религиозных памятниках Востока, столь востребованных в наши дни, сливаются сакральный, символический, эстетический аспекты, что делает их одновременно объектами духовного преклонения и эстетического наслаждения.

Еще одна проблема, возникающая в связи с путешествием на Восток как традиционном средстве эскапизма — это изменение направления движения, путешествие на Запад, ставшее распространенным маршрутом в эпоху постмодернистской децентрализации культуры. Утерев позицию Центра в мировом масштабе, Запад утерял и лидирующее место в оппозиции «Запад/Восток». Этот процесс определяется в теории постмодернизма как «эвакуация центра, или идея центра, раздробленного на диссидентские микро-территории, созвездия голосов и множественность смыслов»²⁷. Этот процесс привел и к изменениям в освоении «чужих» географических пространств. Навстречу традиционному потоку путешественников на Восток устремился не менее мощный поток туристов из Японии, Кореи, стран юго-восточной Азии в Европу, который значительно изменил туристический ландшафт Старого Света. По мнению Ж. Бодрийяра, освоение Запада народами, которые достигли высокого уровня жизни, стали «вестернизированными», включили «туристическое» знакомство с западным миром в свой образ жизни, в корне отличается от «присвоения» Востока, на протяжении веков характерного для западной культуры. «Народы мира, которые делают вид, что ведут западный образ жизни, никогда до конца не принимают и втайне презируют

его. Они остаются эксцентричными по отношению к этой системе ценностей. Их манера приобщения, их стремление зачастую быть более фанатичными поклонниками Запада, чем сами граждане западных стран, их подделки, изготавливаемые из останков века Просвещения обладают всеми чертами пародии... Когда они ведут переговоры с Западом, когда вступают с ним в сделку, они продолжают считать основополагающими свои собственные ритуалы»²⁸. Таким образом, если западный путешественник растворяется в культуре Востока, то турист из Азии лишь осторожно и поверхностно знакомится с богатствами европейской культуры, добавляя полученные сведения и впечатления к своему культурному капиталу, но не делая их частью своего «Я».

Третий вопрос, который возникает при анализе современного путешествия, связан с динамикой повседневности и активностью культурной индустрии. Туристические путешествия, которые вначале были надежным путем бегства, пусть временного, от повседневных рутин, сами стали превращаться в часть культуры повседневности. Сама структура туристических поездок предполагает определенную рутину, которая сохраняется при видимом разнообразии маршрутов и средств передвижения. Отсюда усталость и разочарование человека, который побывал во многих странах, увидел множество «сокровищ культуры», но не оказался затронутым внутренне, а прелесть новизны теряется в глобализованном пространстве современного туризма. «Восток» также теряет свою экзотичность, поскольку ее сконструированность средствами культурной индустрии никого не может ввести в заблуждение. Освоение туристами «экзотических» пространств представляет собой, по мнению Д. Бустина и У. Эко, пастиш и пародию, «иллюзорный и бессмысленный акт культурного потребления»²⁹. Современная культурная индустрия в своем стремлении привлечь потребителя часто создает возможности путешествия в искусственном пространстве выставки или тематического парка, где посетитель может за один день «побывать» в нескольких странах. «Это подразумевает, что через получение опыта всего, от пищи до кулинарных традиций, музыки, телевидения, развлечения и кино сегодня стало возможным познавать мировую географию как искусственно созданную, как симулякр»³⁰. Образы Востока, созданные индустрией развлечений, приобретают фантастический характер, чтобы оказать более сильное воздействие на жаждущего впечатлений потребителя. «Различные места, если они могут привлекать туристов, начинают изображаться так, как предписывают фантастические образы»³¹.

Тем не менее, жажда неизведанного, стремление к Другому настолько глубоко заложены в природе человека, что он продолжает бороться с наступлением повседневности, создавая все новые «экзотические» пространства. Перспективы развития новых путей путешествия многочисленны, одна из них ведет, по мнению Ж. Бодрийяра, «к смещению центра в прошлое первобытных общин»³². Путешествие в прошлое становится

²⁵ Мудрые советы святителя Феофана из Вышенского затвора. М., 1998. С. 96.

²⁶ Там же. С. 503.

²⁷ O'Connor S. Postmodernist Culture. Oxford, 1997. P. 266.

²⁸ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. 2009. С. 200.

²⁹ Соловьева А.Н. Этничность и культура. Архангельск, 2009. С. 153.

³⁰ Harvey D. The Condition of Postmodernity. Cambridge, USA, 1992. P. 301.

³¹ Ibid.

³² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. 2009. С. 222.

одним из распространенных видов деятельности современных путешественников, стремящихся повторить маршруты древних мореплавателей или первопроходцев. Так возникают экстремальные путешествия вглубь еще не освоенных территорий. Но может ли такое путешествие, дающее яркое ощущение отрешения от повседневности, приобщать человека к аутентичному опыту? Не является ли оно вариантом сценария, созданного туристической индустрией, постоянно занятой поисками новых маршрутов? Анализируя работы западных авторов, посвященные этим проблемам, А. Соловьева так оценивает подобного рода туристический опыт: «Альтернативные (например, экологические или экстремальные) формы туризма также репрезентируются как путешествия в «заповедные» места ради получения такого типа аутентичного опыта, который недоступен туристу, способному довольствоваться «фальшивыми» постановочными эффектами «присутствия» в культурной реальности»³³. Чем больше туристическое путешествие становится частью повседневной жизни, тем больше проявляется стремление человека найти новые пути ухода от рутины, в том числе и разработанной туристическими фирмами. В этом стремлении жаждущий нового опыта человек вступает в конкуренцию с культурной индустрией, которая быстро превращает все формы не-конформизма в продаваемый товар. Таким товаром становится и эскапизм, направленный на приобретение нового опыта, сопряженного, как правило, с преодолением трудностей. Сложности, даже опасности, закладываются как необходимая часть экстремального путешествия, становятся очередным соблазном, на который поддаются как любители острых ощущений, так и искатели реальности, отличающейся коренным образом от повседневной жизни.

Можно ли говорить о существовании пространства для путешествия, не затронутого культурной индустрией? Возвращаясь к нашей теме, можно сузить этот вопрос: в какой форме возможно путешествие на Восток, свободное от тотальной коммерциализации? Мы показали, что последняя затронула и путешествия с религиозными целями, и попытки вырваться в природную стихию и найти аутентичную культуру. Остается путешествие воображаемое, которое человек предпринимает по собственному желанию, в связи с внутренней необходимостью, а не с графиком отпусков. Такие путешествия существовали всегда. Если в прошлом реальные путешествия были делом немногих, то рассказы о дальних странах доходили до людей в устной или письменной форме и были востребованы среди самых различных социальных групп. Мы приводили отрывки из таких рассказов, часто совершенно фантастических, которые способствовали созданию образа Востока в популярном сознании и служили наиболее доступной формой эскапизма для обремененного тяготами повседневной жизни человека доиндустриального общества. Как мы видели, в эпоху романтизма эскапизмом были пропитаны все виды искусства, причем одним из распространенных видов романтического вызова реальности было «бегство на Восток». Массовый туризм, приведший к реализации популярной мечты о «Востоке», не отменил виртуального путешествия, которое совершают постоянно громадные количества людей, пользуясь различными

масс-медиа и аудиовизуальными средствами. Насколько виртуальное путешествие способно утолить жажду неизведанного и создать ощущение «иномирия»? Ж. Бодрийяр весьма скептически относится к этой форме преодоления реальности: «В прошлом путешествие было способом оказаться по ту сторону чего-то, уйти в никуда. Ныне это единственная возможность испытать ощущение пребывания где-то. У себя дома, в окружении всевозможной информации, экранов, я не нахожусь нигде, я пребываю одновременно во всем мире, во всеобщей банальности, которая во всех странах одна и та же»³⁴. Тем не менее, воображаемые путешествия продолжают привлекать людей по ряду причин. Во-первых, они могут стать основой путешествия реального, о чем мы уже говорили. Это происходит в контексте массового туризма, когда виртуальное знакомство предваряет поездку и формирует ожидания, с которыми человек в нее отправляется. Во-вторых, воображаемое путешествие сближается с еще одним пространством эскапизма, с фантазией. Читая о дальних странах или смотря видеоматериалы, человек погружается в волшебный мир, где преодолеваются не только пространственные, но и временные границы. Это объясняет популярность сюжетов о путешествиях прошлого, которые, начиная с «Одиссеи» Гомера, занимали прочное место в мире человеческого воображения. «Восток» с этой точки зрения особенно привлекателен, поскольку создает богатую почву для экзотики, столь важной в воображаемом путешествии. Кроме того, рассказы о путешествиях заменяют для многих возможность совершить реальную поездку, которая может быть недоступна по ряду причин. Воображаемое путешествие в этом случае может доставить больше удовольствия, поскольку в нем невозможно разочарование, часто сопутствующее стандартным туристическим поездкам. Последнее случается с людьми, которые долгие годы мечтали о Востоке (или какой-либо другой части земли), читали о путешествиях прошлого, о замечательных и привлекательных аспектах той или иной культуры, а потом попадали в страну мечты и сталкивались с туристическими реалиями, далеко не всегда привлекательными, или испытывали культурный шок. В особенности это касается представлений о «духовности» Востока, которые сталкиваются с ярко выраженным стремлением местных жителей той или иной страны получить выгоду от туристов. Таким образом, виртуальное путешествие может показаться наиболее верным путем эскапизма, если бы не контекст такого путешествия, который не дает человеку возможности физически перемещаться в пространстве. Этот вид эскапизма мы определили как «внутренний», он ближе всего к области духовной жизни, с одной стороны, и фантазии — с другой.

Рассмотрев различные виды путешествия и ограничив себя одним его направлением — путешествием на Восток, мы можем наблюдать связь между динамикой повседневности и путями эскапизма. С расширением пространства повседневности, с нарастанием процессов демифологизации и «расколдовыванием» мира происходит и противоположный процесс — создание новых пространств, в которых человек может укрыться от рационалистической, упорядоченной, определяемой повседневными рутинными реальностями. Эти пространства

³³ Соловьева А. Н. Этничность и культура. Архангельск, 2009. С. 152.

³⁴ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. 2009. С. 222.

ШАПИНСКАЯ Екатерина Николаевна / Ekaterina SHAPINSKAYA

| Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма |

могут носить как «физический», так и воображаемый характер. Одним из таких «эскапистских» пространств был и, несмотря на все геополитические сдвиги в современном мире, продолжает оставаться «Восток», который все больше приобретает характер конструкта, мало похожего на реальные страны Азии или Африки. В популярном сознании господствует миф о Востоке, который поддерживается многочисленными текстами литературы, кинематографа, масс-медиа. Это связано, на наш взгляд, с интересом к мифу, который продолжает существовать и в наши дни. Исследуя феномен мифотворчества, Н. Хренов полагает, что «в XXI веке мы оказываемся в ситуации заключительной стадии интереса к мифу. Мы постигаем смысл той мифологии, которая в доживаемом нами времени уже предстает как явление прошлого»³⁵. На наш взгляд, мифология пу-

тешества не собирается уступать места рефлексии, во всяком случае, в области популярной культуры, где процессы расширения пространства повседневности идут наиболее интенсивно. Ответом на это становятся разнообразные пути эскапизма, одним из которых был и остается путь путешествия, реального или виртуального, а цель этого путешествия для значительной части населения Земли — «Восток» в его различных проявлениях, мифический или реальный, экзотический или приземленный, загадочный или исследованный. Созданная веками привлекательность этого мифа оказывается сильнее как рационализации, так и десакрализации и демифологизации этого волшебного пространства, лежащего на границе реальности и воображения.

³⁵ Хренов Н. А. От эпохи бессознательного мифотворчества к эпохе рефлексии о мифе // Миф и художественное сознание XX века. М., 2011. С. 51.

